

XVIII век

Вообще 18-й век был исключительно интересным веком. В этот век мир проснулся и таким образом, что не заснёт до сих пор. Это особый век в новой истории человечества, такая себе весна современности. В 18-ом веке многое началось из того, что до сих пор не закончилось. Достаточно упомянуть такие события как 1776 год — в который свою независимость провозгласили Североамериканские колонии Англии — родились Соединённые Штаты Америки. В 1976 году я жил в Соединённых Штатах и описал празднование двухсотлетия Америки в своей первой книге. Важно знать и помнить, что отцы—основатели американской рабовладельческой республики — Вашингтон, Франклин, Джефферсон, Гамильтон — подражали в своих действиях героям Римской рабовладельческой республики-империи, повелевавшей современным ей миром бесцеремонно, с помощью военной силы. Что Рим всегда был их единственным примером для подражания, не даром у них есть и Сенат и Капитолий в их столице. Запомните такую картину. Конец 18-го века — Джордж Вашингтон, огромный, в чёрном бархатном костюме (штаны

под коленку, колоколом) и в жёлтых (!) перчатках, стоя задом к камину, принимает в 16 часов гостей государства. Церемония происходит в Филадельфии. Обходит всех чинно. Он самый богатый плантатор и землевладелец страны. И рабовладелец. Его новая искусственная челюсть плохо пригнана, потому у него не рот, а щель от почтового ящика (таким он изображён на самом распространённом портрете). Новую столицу республики — город Вашингтон президент решает построить напротив своего поместья в Маунт-Вернон, штат Вирджиния, — как раз через реку Потомак. Чтобы долго не добираться на службу.

Важнейшие державы 18-го века это, несомненно, Франция, Англия и вновь рождённые Соединённые Штаты — первая республика Нового времени. Важнее всех, безусловно, Франция. Внешне она ведёт активный абсолютистский образ жизни — то есть сплошные войны. Экспедиционные, в основном, не на своей территории. Участвует в войне за испанское наследство в 1701 — 1714 годах, за польское наследство в 1733 — 1735, за австрийское в 1730 — 1748 годах. Ведёт семилетнюю войну против Пруссии с 1756 по 1763 год. И поддерживает рабовладельческую республику Соединённые Штаты в её борьбе с Англией, объявляет последней войну. Драматург Бомарше, автор «Женитьбы Фигаро» и «Севильского цирюльника», на свои средства закупает оружие и боеприпасы для североамериканских повстанцев. Участие в войне на стороне республики не спасает

последних Людовиков от революции. 1789 год. 14 июля. Свершается архетипическая Великая Французская Революция. Толпа штурмует крепость для государственных преступников — Бастилию, в которой в тот момент содержится всего семь узников. Штурмует вяло, однако коменданта де Лунэй всё же убивают, и некоторое время бегают с его головой на пике. За день до этого маркиз де Сад криками из крепости подстрекает толпу к нападению: «Нас здесь убивают!» — кричал маркиз, перебегая от бойницы к бойнице во время прогулки. Крикливого узника перевозят в другую крепость, в тот же вечер. Впопыхах он прячет в щелях своей камеры рукопись книги «Сто дней Содома», да так хорошо, что её находят только в 20-ом веке, несмотря на то, что стены и башни Бастилии были разрушены ещё тогда, а камни частично использованы при постройке других зданий, отчасти пошли на изготовление сувениров. Я жил там рядом с улицей Сент-Антуан и бульваром Бомарше в 1990 — 1994 годах. Контуры крепости выложены тёмными камнями на мостовой площади Бастилии и прилегающих улиц. Судя по контурам, крепость была невелика, что-то вроде тюрьмы Лефортово, в стенах которой я пишу эти строки.

Пока французское государство вело подобающий абсолютистскому государству образ жизни — во-евало во всю, в его обществе происходили всяческие невидимые, но, как оказалось, чрезвычайно чреватые

процессы. Прежде всего, люди думали, и в первую очередь на социальные темы. Во Франции того времени насчитывалось 200 тысяч дворян и 24 миллиона граждан третьего сословия: то есть крестьян, ремесленников, торговцев и прочего недворянского люда. К середине 18 века стали появляться важнейшие книги человечества.

Какие это книги и кто их авторы? Ну, в то время на французском языке уже творят несколько десятков блестящих людей своего времени. Прежде всего это Вольтер, в миру Франсуа Мари Аруэ (1694–1778 г.), это Монтескье, это Жан Жак Руссо, сын часовщика. Это энциклопедисты Дидро, Д'Аламбер, Гольбах, Гельвеций. Это книги Сада, правда Сад будет признан позднее.

Вот лишь некоторые выдающиеся книги 18 века во Франции:

«Эдип» Вольтера вышел в 1718 году,
«Персидские письма» Монтескье, социальная сатира, в 1721,
«Очерк об истории человеческого познания» Кондильяка, опубликован в 1746 году,
«О духе законов» Монтескье, в 1748 году,
«Публичное право в Европе» Мабли в том же 1748,
«Естественная история», I том, Бюффона в 1749 году. Важнейшая книга 18 века «Естественная история, всеобщая и частная» натуралиста Бюффона, в которой даётся описание минералов, животных и человека. Впервые человек приписан к природе.

«Письмо о слепых и назидание зрячим» Дидро, 1749 год,
«Рассуждение о науках и искусствах» Руссо в 1750 году,

В 1751 Дидро и Д'Аламбер публикуют проект Энциклопедии — этой монументальной издательско-просветительской работы, важнейшей для всей образованной и стремящейся быть образованной Европы. Именно это и есть приход Просвещения. Просветители — это коллектив энциклопедистов. С 1751 по 1765 выходят 17 основных томов энциклопедии. Принцип её построения такой же как в рубрике «Как надо понимать» газеты «Лимонка». Каждый феномен объясняется с точки зрения просветителей, сообщается, как его надо понимать человеку просвещённому и современному. С 1751 по 1765, как уже было сказано, выходят 17 томов, основные. До 1771 ещё 11 дополнительных томов. Ещё пять томов в 1776–1777 годах. Два тома указателей в 1780 году. Существует исторически обоснованное мнение, что энциклопедисты подготовили революцию во Франции. Во всяком случае, они способствовали уничтожению невежества именно в те 30 лет, предшествующие Революции.

«Об уме» Гельвеция в 1758 году.

«Разоблачённое христианство» Гольбаха выходит в 1761 году.

Непрестанно появляются новые труды Вольтера и Руссо.

Но остановимся и установим связь Франции с остальным миром. В 1776 году в Лондоне выходит книга «Исследование природы и существа богатства народов» шотландца, профессора Адама Смита.

Третье важнейшее событие помимо провозглашения независимости Соединённых Штатов и Французской Революции современники заметили как экзотическую новость, и в дальнейшем оно затерялось в исторических хрониках колониальных войн, ведомых Великой Британией. Сейчас о нем не упоминают из чувства стыда. Речь идет о взятии делийской цитадели, форта в городе Дели, Индия, в 1753 году. Британцам достаются огромные богатства сокровищницы индийской короны, золото, драгоценные камни Великих Моголов. Одновременно Британия наложила руку на индийский хлопок, на сырье. Именно этот год можно считать годом рождения капитализма. Громадные инвестиции, поступившие в Англию из разграбленной Индии, и сырье оттуда же сделали возможным Первую индустриальную революцию в мире — английскую.

Современники с восторгом отмечают, что после 1750 года с улиц английских городов исчезают нищие, и даже малолетние дети были заняты работой. Это потому, что Англия ограбила Индию.

Индустриальная революция прежде всего случилась в области ткачества. Технический прогресс давно позволял революции произойти. В 1733 году Джон Кей изобрел ткацкий челнок, через два года,

как пишет Карл Маркс, «Джон Уайетт возвестил о своей прядильной машине, а вместе с этим о промышленной революции 18 века». Маркс торопится тут. Не была ещё обворована Индия, и хотя шерсть-сырьё присутствовала на Британских островах, хлопок ещё оставался в Индии вместе с сокровищами. (Ну и не хватало ещё универсального двигателя для крупной промышленности. Его изобрёл в 80-х годах Джеймс Уатт.)

1759 год. Город Глазго. Уже промышленный центр. Основоположник либерализма, первый святой капитализма, первый учёный экономист — Адам Смит, принимает у себя в Глазго Чарлза Таунсэнда, видного политика, будущего министра финансов. Таунсэнд приехал к Смиту познакомиться, поскольку хочет сделать его воспитателем своего пасынка, юного герцога Бакли. Смит, певец капитализма и прогресса, всех своих гостей водил на образцово-показательную местную кожевенную фабрику. Потасил он туда и Таунсэнда. Подведя гостя к огромному дубильному чану, он стал объяснять ему процесс дубления кожи. Через чан была перекинута неширокая доска. Желая получше ознакомить гостя с процессом, Смит встал на доску. Таунсэнд предусмотрительно воздержался последовать за ним. Нога профессора Смита в щегольской туфле поскользнулась, и Смит с плеском упал в вонючую жижу, а был он в парадном, расшитом позументом кафтане, дорогом парике из Лондона и с тростью. Какой-то расторопный рабо-

чий протянул профессору шест и спас его, вытащил из чана. Человечество могло бы и не получить «Богатства народов». Надо к этому эпизоду добавить, что Джеймс Уатт, молодой мрачный парень, механик, был приглашён в Университет города Глазго в 1756 году, для ремонта астрономических инструментов Университетской Обсерватории. Однажды профессор «натуральной философии» (слова эти ласкают мой слух, всегда мечтал быть профессором натуральной философии!) Андерсен поручил Джеймсу Уатту починить модель *fire engine* — изобретения некоего Ньюкомена, которая находилась в Университете Глазго, Уатт усовершенствовал *fire engine* и, добавив к этому элементы, изобретённые французом Дени Папеном, создал универсальный двигатель крупной промышленности.

Уатт, и Смит, и Андерсен — все дружили и вместе еженедельно бухали в одной таверне.

Сказав всё это, следует охладить горячие головы, уже посчитавшие 18 век веком разума и сплошного прогресса. Как и сейчас, человечество в 18 веке жило с различной скоростью и руководствуясь различными эстетиками. Если энциклопедисты во главе с Дени Дидро, Руссо, Вольтер, Гольбах, Гельвеций, Адам Смит, Бюффон, Ламарк, Гегель в Германии, Шиллер (кстати, весьма неглупый философ) — все эти ребята жили в новом времени, то деспотизм преобладал не только в России, но и на большей части территории Европы. Заслугой Америки было то, что она стала

первой республикой, пусть и рабовладельческой, в мире монархий. В то время как просвещение, образование, наука, труд, наконец, разъедали изнутри тела крупнейших монархий Англии и Франции, общеевропейский, так сказать, средневропейский 18 век начался со вполне средневекового столкновения короля-рыцаря шведского Карла XII с Россией абсолютного монарха Петра. (Оба, чуть позже, привлекли внимание Вольтера. И Карлу, и Петру он посвятил историческую хронику, причём для себя он предпочёл нашего Петра). 1700-й год — год первого поражения России, — под Нарвой. Карл XII только что победил датского короля тогда; посадив своё войско на корабли, он внезапно для противника высадился у Копенгагена и блистательной атакой взял город. В случае с Петром, Карл — король-морпех, повторил манёвр, он высадился с кораблей в Прибалтике и проследовал к Нарве, где нанёс сокрушительный удар русским, осаждавшим Нарву. Шёл густейший мокрый снег и русские не видели врага. Он захватил в плен 93-х русских генералов, все пушки. Тысячи русских погибли при отступлении. Пётр заберёт у него Нарву впоследствии, а через восемь лет оплатит ему за всё под Полтавой. Однако, видим, что 18 век начался вполне средневековыми событиями. Карл и Пётр ещё носили латы. И закончился 18 век через, разумеется, сто лет, совершенно идентичным образом! Вполне по-средневековому.

Через 11 лет после Великой Французской Революции генерал Бонапарт, с темпераментом итальянского средневекового кондотьера, становится императором французов. И подобно Карлу XII, но уже в куда больших масштабах, будет шататься по всей Европе с армией. Так что современность, родившись, может вдруг замедлить рост, долго сидеть в одном классе, быть в одном возрасте. Достаточно сказать, что Французская Республика окончательно установилась лишь через 81 год после Французской Великой Революции, но это уже конец 19 века.

Такой вот 18-й век. Даже Карл XII — уже регрессивный персонаж в его время. В Главной Европе таких королей-рыцарей к тому времени не осталось, швед прибыл из Швеции. Кстати, Карл — персонаж необычайной силы, несмотря на то, что наш исторический противник. То, что он учинил в Бендерах, да-да, в тех самых, что в Приднестровье (я побывал в Бендерах на войне, летом 1992 года); то, что Карл учинил в Бендерах в 1709 году, находясь в почётном полу-плёну у Султана — своего союзника, достойно восхищения. Султан, желая его выжить, отказал ему и его небольшому отряду в продовольствии. Тогда Карл приказал зарезать часть лошадей и засолить их. И в первую очередь сам зарезал жеребца — подарок султана. А затем с горсткой приближённых храбро оборонялся от тысяч турок, уничтожил 200 янычар, за что всё же был прощён Султаном. Во тип! Сейчас

вышел безумный украинский фильм о Мазепе, где присутствует и Карл, но вряд ли его изобразили достоверно, этого рыцаря удачи.

Так вот, такой же безумец Бонапарт обнаруживается через сто лет — выходит к закрытию 18-го века на историческую сцену. Он появляется, как и Карл из провинции, но не с Севера, а с Юга — из Корсики.

А между этими двумя рыцарями регресса расположились и успели случиться, невозмутимые, и рождение капитализма, и американская независимость, и важнейшие книги новой истории, и революция «черни» с Пугачёвым во главе.

Это был век медных раздвижных подзорных труб, учёных телескопов, вперившихся в средневековые ещё небеса в поисках неведомых планет. Век скрипучих кораблей, век ветра, открытий, век знаний и веры в разум. Основывались в европейских столицах ботанические сады, высаживались диковинные деревья.

Я бы хотел по выходу из тюрьмы занять кафедру натуральной философии в каком-нибудь немецком старом университете. Жить в университетской квартире рядом с университетским Ботаническим садом, топить дровами. За мутными старыми стёклами теплицы (рамы свинцовые) — гниют в пару теплицы красивейшие ядовитые цветы и хмельные пальмы. Туда бы я водил раз в неделю студенток со средневековыми лицами. I want it badly. Я бы ходил на прогулки по холодному саду, и по мне можно было бы проверять часы. Я бы мало говорил, совсем

ничтожное количество слов. Ну конечно, я бы мало говорил. Вставал бы рано утром затемно (засветло, досветла?). Сидел бы у окна и смотрел на звёзды. И пил бы кофе. Как персонаж Саши Чёрного — Трубочист. «Рано утром на рассвете / Он встаёт и кофе пьёт / Чистит пятна на жилете / Курит трубку и поёт». Я бы только не пел. Я бы молчал как Steppenwolf — персонаж Германа Гессе. Пожалуй, меня хватило бы ещё на два-три любовных романа с Hermine's (Эрминами) — с юными шлюшками.